

Вильгельм Гауф Холодное сердце

Часть 1

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде, скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят черные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими полями. И надо признаться, что наряд этот придает им весьма внушительный и почтенный вид.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идет по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, – лесорубы и плотогоны. На длинных плотках сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну – до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные брёвна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотогоны привыкли к суровой бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из темного холста и черные кожаные штаны на зеленых, шириною в ладонь, помочах. Из глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка – знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно натянуть выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Еще недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стекланный Человечек – добрый друг людей – всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в черном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и черные башмачки. Ростом он был с годовалого ребенка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель-Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случались его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож к тому взрослому человеку мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают.

С этими-то лесными духами пришлось как-то раз познакомиться одному шварунальдскому парню.

О том, как это случилось и что произошло, вы сейчас узнаете.

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж ее был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться ее шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой черный товар и пугая ребятишек лицом и одеждой, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений.

И Питер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же, как и многие другие угольщики, думал обо всем на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик пти-

цы – всё наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

“Что за жалкая участь быть черным, грязным угольщиком! – думал Петер. – То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!” Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу – чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: “Что за парень – молодец! Кто бы это был?” А подойдет ближе, только рукой махнет: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдет мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотогонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек – всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, – и, широко расставив ноги, глядели на танцы, затягиваясь из аршинных кельнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливицы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове, и он, печальный, возвращался в свою хижину. Он не мог видеть, как эти “дровяные господа” проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год.

Но особенное восхищение и зависть вызывали в нем три плотогона: Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый.

Иезекиил Толстый считался первым богачом в округе.

Везло ему необыкновенно. Он всегда продавал лес втроедорога, денежки сами так и текли в его карманы.

Шлюркер Тощий был самым смелым человеком из всех, кого знал Петер. Никто не решался с ним спорить, а он не боялся спорить ни с кем. В харчевне он и ел-пил за троих, и место занимал на троих, но никто не смел сказать ему ни слова, когда он, растопырив локти, усаживался за стол или вытягивал вдоль скамьи свои длинные ноги, – уж очень много было у него денег.

Вильм Красивый был молодой, статный парень, лучший танцор среди плотогонов и стекольщиков. Еще совсем недавно он был таким же бедняком, как Петер, и служил в работниках у лесоторговцев. И вдруг ни с того ни с сего разбогател! Одни говорили, что он нашел в лесу под старой елью горшок серебра. Другие уверяли, что где-то на Рейне он подцепил багром мешок с золотом.

Так или иначе, он вдруг сделался богачом, и плотогоны стали почитать его, точно он был не простой плотогон, а принц.

Все трое – Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый – были совсем не похожи друг на друга, но все трое одинаково любили деньги и были одинаково бессердечны к людям, у которых денег не было. И однако же, хоть за жадность их недолго любили, за богатство им всё прощали. Да и как не простить! Кто, кроме них, мог разбрасывать направо и налево звонкие талеры, словно деньги достаются им даром, как еловые шишки?!

“И откуда только они берут столько денег, – думал Петер, возвращаясь как-то с праздничной пирушки, где он не пил, не ел, а только смотрел, как ели и пили другие. – Ах, кабы мне хоть десятую долю того, что пропил и проиграл нынче Иезекиил Толстый!”

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного мало-мальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля-Великана или от Стеклянного Человечка.

Еще когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка:

– Под косматой елью,
В темном подземелье,

Где рождается родник, –
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...

Были в этих стихах еще две строчки, но, как Петер ни ломал голову, он ни за что не мог их припомнить.

Ему часто хотелось спросить у кого-нибудь из стариков, не помнят ли они конец этого заклинания, но не то стыд, не то боязнь выдать свои тайные мысли удерживали его.

– Да они, наверно, и не знают этих слов, – утешал он себя. – А если бы знали, то почему он им самим не пойти в лес и не вызвать Стеклянного Человечка!..

В конце концов он решил завести об этом разговор со своей матерью – может, она припомнит что-нибудь.

Но если Петер забыл две последние строчки, то матушка его помнила только две первые.

Зато он узнал от нее, что Стеклянный Человечек показывается только тем, кому посчастливилось родиться в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни.

– Если бы ты знал это заклинание от слова до слова, он непременно бы явился тебе, – сказала мать, вздыхая. – Ты ведь родился как раз в воскресенье, в самый полдень.

Услышав это, Петер совсем потерял голову.

“Будь что будет, – решил он, – а я должен попытать свое счастье”.

И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

– Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шел всё выше и выше по склону горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого жилья – ни избышки дровосеков, ни охотничьего шалаша.

Редко какой человек заглядывал сюда. Среди окрестных жителей поговаривали, что в этих местах нечисто, и всякий старался обойти Еловую гору стороной.

Здесь росли самые высокие, самые крепкие ели, но давно уже не раздавался в этой глуши стук топора. Да и не мудрено! Стоило какому-нибудь дровосеку заглянуть сюда, как с ним непременно случалась беда: либо топор соскакивал с топорница и вонзался в ногу, либо подрубленное дерево падало так быстро, что человек не успевал отскочить и его зашибало насмерть, а плот, в который попадало хоть одно такое дерево, непременно шел ко дну вместе с плотогоном. Наконец люди совсем перестали тревожить этот лес, и он разросся так буйно и густо, что даже в полдень здесь было темно, как ночью.

Страшно стало Петеру, когда он вошел в чащу. Кругом было тихо – нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики, не задумываясь, дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

“Наверно, это самая большая ель на всем свете! – подумал он. – Стало быть, тут и живет Стеклянный Человечек”.

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнес:

– Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но никто не ответил ему.

“Может быть, все-таки лучше сначала сказать стишки”, – подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

– Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...

И тут – Петер едва мог поверить своим глазам! – из-за толстого ствола кто-то выглянул. Петер успел заметить островерхую шляпу, темный кафтанчик, ярко-красные чулочки... Чьи-то быстрые, зоркие глаза на мгновение встретились с глазами Петера.

Стекланный Человечек! Это он! Это, конечно, он! Но под елкой уже никого не было. Петер чуть не заплакал от огорчения.

– Господин стекольный мастер! – закричал он. – Где же вы? Господин стекольный мастер! Если вы думаете, что я вас не видел, вы ошибаетесь. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

И опять никто ему не ответил. Но Петеру показалось, что за елкою кто-то тихонько засмеялся.

– погоди же! – крикнул Петер. – Я тебя поймаю! – И он одним прыжком очутился за деревом. Но Стекланного Человечка там не было. Только маленькая пушистая белочка молнией взлетела вверх по стволу.

“Ах, если бы я знал стишки до конца, – с грустью подумал Петер, – Стекланный Человечек, наверно, вышел бы ко мне. Недаром же я родился в воскресенье!..”

Наморщив лоб, нахмутив брови, он изо всех сил старался вспомнить забытые слова или даже придумать их, но у него ничего не выходило.

А в то время как он бормотал себе под нос слова заклинания, белочка появилась на нижних ветвях елки, прямо у него над головой. Она охорашивалась, распушив свой рыжий хвост, и лукаво поглядывала на него, не то посмеиваясь над ним, не то желая его подзадорить.

И вдруг Петер увидел, что голова у белки вовсе не звериная, а человеческая, только очень маленькая – не больше беличьей. А на голове – широкополая, островерхая шляпа. Петер так и замер от изумления. А белка уже снова была самой обыкновенной белкой, и только на задних лапках у нее были красные чулочки и черные башмачки.

Тут уж: Петер не выдержал и со всех ног бросился бежать.

Он бежал, не останавливаясь, и только тогда перевел дух, когда услышал лай собак и завидел вдалеке дымок, поднимающийся над крышей какой-то хижины. Подойдя поближе, он понял, что со страху сбился с дороги и бежал не к дому, а прямо в противоположную сторону. Здесь жили дровосеки и плотогоны.

Хозяева хижины встретили Петера приветливо и, не спрашивая, как его зовут и откуда он, предложили ему ночлег, зажарили к ужину большого глухаря – это любимое кушанье местных жителей – и поднесли ему кружку яблочного вина.

После ужина хозяйка с дочерьми взяли прялки и подсади поближе к лучине. Ребятишки следили, чтоб она не погасла, и поливали ее душистой еловой смолой. Старик хозяин и старший его сын, покуривая свои длинные трубки, беседовали с гостем, а младшие сыновья принялись вырезать из дерева ложки и вилки.

К вечеру в лесу разыгралась буря. Она выла за окнами, сгибая чуть не до земли столетние ели. То и дело слышались громовые удары и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья.

– Да, никому бы я не посоветовал выходить в такую пору из дому, – сказал старый хозяин, вставая с места и покрепче закрывая дверь. – Кто выйдет, тому уж не вернуться. Нынче ночью Михель-Великан рубит лес для своего плота.

Петер сразу насторожился.

– А кто такой этот Михель? – спросил он у старика.

– Он хозяин этого леса, – сказал старик. – Вы, должно быть, нездешний, если ничего не

слышали о чем. Ну хорошо, я расскажу вам, что знаю сам и что дошло до нас от наших отцов и дедов.

Старик уселся поудобнее, затянулся из своей трубки и начал:

– Лет сто назад – так, по крайней мере, рассказывал мой дед – не было на всей земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь-то, когда на свете завелось столько денег, люди потеряли стыд и совесть. Про молодежь и говорить нечего, – у той только и дела, что плясать, ругаться да сорить деньгами. А прежде было не то. И виной всему – я это раньше говорил и теперь повторю, хотя бы он сам заглянул вот в это окошко, – виной всему Михель-Великан. От него все беды и пошли.

Так вот, значит, лет сто тому назад жил в этих местах богатый лесоторговец. Торговал он с далекими рейнскими городами, и дела у него шли как нельзя лучше, потому что он был человек честный и трудолюбивый.

И вот однажды приходит к нему наниматься какой-то парень. Никто его не знает, но видно, что здешний, – одет как шварцвальдец. А ростом чуть не на две головы выше всех. Наши парни и сами народ не мелкий, а этот настоящий великан.

Лесоторговец сразу сообразил, как выгодно держать такого дюжего работника. Он назначил ему хорошее жалованье, и Михель (так звали этого парня) остался у него.

Что и говорить, лесоторговец не прогадал.

Когда надо было рубить лес. Михель работал за троих. А когда пришлось перетаскивать бревна, за один конец бревна лесорубы брались вшестером, а другой конец поднимал Михель.

Послужив так с полгода, Михель явился к своему хозяину.

“Довольно, говорит, нарубил я деревьев. Теперь охота мне поглядеть, куда они идут. Отпусти-ка меня, хозяин, разок с плотами вниз по реке”.

“Пусть будет по-твоему, – сказал хозяин. – Хоть на плотях нужна не столько сила, сколько ловкость, и в лесу ты бы мне больше пригодился, но я не хочу мешать тебе поглядеть на белый свет. Собирайся!”

Плот, на котором должен был отправиться Михель, был составлен из восьми звеньев отборного строевого леса. Когда плот был уже связан, Михель принес еще восемь бревен, да таких больших и толстых, каких никто никогда не видывал. И каждое бревно он нес на плече так легко, будто это было не бревно, а простой багор.

“Вот на них я и поплыву, – сказал Михель. – А ваши щепочки меня не выдержат”.

И он стал вязать из своих огромных бревен новое звено.

Плот вышел такой ширины, что едва поместился между двумя берегами.

Все так и ахнули, увидев этакую махину, а хозяин Михеля потирал руки и уже прикидывал в уме, сколько денег можно будет выручить на этот раз от продажи леса.

На радостях он, говорят, хотел подарить Михелю пару самых лучших сапог, какие носят плотогоны, но Михель даже не поглядел на них и принес откуда-то из лесу свои собственные сапоги. Мой дедушка уверял, что каждый сапог был пуда в два весом и футов в пять высотой.

И вот всё было готово. Плот двинулся.

До этой поры Михель, что ни день, удивлял лесорубов, теперь пришла очередь удивляться плотогонам.

Они-то думали, что их тяжелый плот будет еле-еле тянуться по течению. Ничуть не бывало – плот несся по реке, как парусная лодка.

Всем известно, что труднее всего приходится плотогонам на поворотах: плот надо удерживать на середине реки, чтобы он не сел на мель. Но на этот раз никто и не замечал поворотов. Михель, чуть что, соскакивал в воду и одним толчком направлял плот то вправо, то влево, ловко огибая мели и подводные камни.

Если же впереди не было никаких излучин, он перебежал на переднее звено, с размаху втыкал свой огромный багор в дно, отталкивался – и плот летел с такой быстротой, что, казалось, прибрежные холмы, деревья и села так и проносятся мимо.

Плотогоны и оглянуться не успели, как пришли в Кёльн, где обычно продавали свой лес. Но тут Михель сказал им:

“Ну и сметливые же вы купцы, как погляжу я на вас! Что ж вы думаете – здешним жителям

самим нужно столько леса, сколько мы сплавляем из нашего Шварцвальда? Как бы не так! Они его скупают у вас за полцены, а потом перепродают втридорога голландцам. Давайте-ка мелкие бревна пустим в продажу здесь, а большие погоним дальше, в Голландию, да сами и сбудем та-мошним корабельщикам. Что следует хозяину по здешним ценам, он получит сполна. А что мы выручим сверх того – то будет наше”.

Долго уговаривать сплавщиков ему не пришлось. Все было сделано точь-в-точь по его слову.

Плотогоны погнали хозяйский товар в Роттердам и там продали его вчетверо дороже, чем им давали в Кёльне!

Четверть выручки Михель отложил для хозяина, а три четверти разделил между сплавщиками. А тем во всю жизнь не случилось видеть столько денег. Головы у парней закружились, и пошло у них такое веселье, пьянство, картежная игра! С ночи до утра и с утра до ночи... Словом, до тех пор не возвратились они домой, пока не пропили и не проиграли всё до последней монетки.

С той поры голландские харчевни и кабаки стали казаться нашим парням сущим раем, а Михель-Великан (его стали после этого путешествия называть Михель-Голландец) сделался настоящим королем плотогонов.

Он не раз еще водил наших плотогонов туда же, в Голландию, и мало-помалу пьянство, игра, крепкие словечки – словом, всякая гадость перекочевала в эти края.

Хозяева долго ничего не знали о проделках плотогонов. А когда вся эта история вышла наконец наружу и стали допытываться, кто же тут главный зачинщик, – Михель-Голландец исчез. Искали его, искали – нет! Пропал – как в воду канул...

– Помер, может быть? – спросил Петер.

– Нет, знающие люди говорят, что он и до сих пор хозяйничает в нашем лесу. Говорят еще, что, если его как следует попросить, он всякому поможет разбогатеть. И помог уже кое-кому... Да только идет молва, что деньги он дает не даром, а требует за них кое-что подороже всяких денег... Ну и больше я об этом ничего не скажу. Кто знает, что в этих рассказях правда, что басня? Одно только, пожалуй, верно: в такие ночи, как нынешняя, Михель-Голландец рубит и ломает старые ели там, на вершине горы, где никто не смеет рубить. Мой отец однажды сам видел, как он, словно тростинку, сломал ель в четыре обхвата. В чьи плоты потом идут эти ели, я не знаю. Но знаю, что на месте голландцев я бы платил за них не золотом, а картечью, потому что каждый корабль, в который попадает такое бревно, непременно идет ко дну. А все дело здесь, видите ли, в том, что стоит Михелю сломать на горе новую ель, как старое бревно, вытесанное из такой же горной ели, трескается или выскакивает из пазов, и корабль дает течь. Потому-то мы с вами так часто и слышим о кораблекрушениях. Поверьте моему слову: если бы не Михель, люди странствовали бы по воде, как посуху.

Старик замолчал и принялся выколачивать свою трубку.

– Да... – сказал он опять, вставая с места. – Вот что рассказывали наши деды о Михеле-Голландце... И как там ни поверни, а все беды у нас пошли от него. Богатство он дать, конечно, может, но не желал бы я оказаться в шкуре такого богача, будь это хоть сам Иезекиил Толстый, или Шлюркер Тощий, или Вильм Красивый.

Пока старик рассказывал, буря улеглась. Хозяева дали Петеру мешок с листьями вместо подушки, пожелали ему спокойной ночи, и все улеглись спать. Петер устроился на лавке под окном и скоро уснул.

Никогда еще угольщику Петеру Мунку не снились такие страшные сны, как в эту ночь.

То чудилось ему, будто Михель-Великан с треском распаивает окно и протягивает ему огромный мешок с золотыми. Михель трясет мешок прямо у него над головой, и золото звенит, звенит – звонко и заманчиво.

То ему чудилось, что Стекланный Человечек верхом на большой зеленой бутылки разъезжает по всей комнате, и Петер опять слышит лукавый тихий смешок, который донесся до него утром из-за большой ели.

И всю ночь Петера тревожили, будто споря между собой, два голоса. Над левым ухом гудел хриплый густой голос:

– Золотом, золотом,
Чистым – без обмана, –
Полновесным золотом
Набивай карманы!
Не работай молотом,
Плугом и лопатой!
Кто владеет золотом,
Тот живет богато!..

А над правым ухом звенел тоненький голосок:

– Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живет старик...

Ну, а как дальше, Петер? Как там дальше? Ах, глупый, глупый угольщик Петер Мунк! Не может вспомнить такие простые слова! А еще родился в воскресный день, ровно в полдень... Придумай только рифму к слову “воскресный”, а уж остальные слова сами придут!..

Петер охал и стонал во сне, стараясь припомнить или придумать забытые строчки. Он метался, вертелся с боку на бок, но так как за всю свою жизнь не сочинил ни одного стихика, то и на этот раз ничего не выдумал.

Угольщик проснулся, едва только рассвело, уселся, скрестив руки на груди, и принялся размышлять всё о том же: какое слово идет в пару со словом “воскресный”?

Он стучал пальцами по лбу, тер себе затылок, но ничего не помогало.

И вдруг до него донеслись слова веселой песни. Под окном проходили трое парней и распевали во все горло:

– За рекою в деревушке...

Варят мед чудесный...

Разопьем с тобой по кружке

В первый день воскресный!..

Петера словно обожгло. Так вот она, эта рифма к слову “воскресный”! Да полно, так ли? Не слышался ли он?

Петер вскочил и сломя голову кинулся догонять парней.

– Эй, приятели! Подождите! – кричал он.

Но парни даже не оглянулись.

Наконец Петер догнал их и схватил одного за руку.

– Повтори-ка, что ты пел! – закричал он, задыхаясь.

– Да тебе-то что за дело! – ответил парень. – Что хочу, то и пою. Пусти сейчас же мою руку, а не то...

– Нет, сперва скажи, что ты пел! – настаивал Петер и еще сильнее стиснул его руку.

Тут два других парня недолго думая накинулись с кулаками на бедного Петера и так отколо-тили его, что у бедняги искры из глаз посыпались.

– Вот тебе на закуску! – сказал один из них, награждая его увесистым тумачком. – Будешь помнить, каково задевать почтенных людей!..

– Еще бы не помнить! – сказал Петер, охая и потирая ушибленные места. – А теперь, раз уж вы меня все равно отколотили, сделайте милость – спойте мне ту песню, которую вы только что пели.

Парни так и прыснули со смеху. Но потом все-таки спели ему песню от начала до конца.

После этого они по-приятельски распрощались с Петером и пошли своей дорогой.

А Петер вернулся в хижину дровосека, поблагодарил хозяев за приют и, взяв свою шляпу и палку, снова отправился на вершину горы.

Он шел и все время повторял про себя заветные слова “воскресный – чудесный, чудесный – воскресный”... И вдруг, сам не зная, как это случилось, прочитал весь стишок от первого до последнего слова.

Петер даже подпрыгнул от радости и подбросил вверх свою шляпу.

Шляпа взлетела и пропала в густых ветках ели. Петер поднял голову, высматривая, где она там зацепилась, да так и замер от страха.

Перед ним стоял огромный человек в одежде плотогона. На плече у него был багор длиной с хорошую мачту, а в руке он держал шляпу Петера.

Не говоря ни слова, великан бросил Петеру его шляпу и зашагал с ним рядом.

Петер робко, искоса поглядывал на своего страшного спутника. Он словно сердцем почувал, что это и есть Михель-Великан, о котором ему вчера столько рассказывали.

– Петер Мунк, что ты делаешь в моем лесу? – вдруг сказал великан громовым голосом. У Петера затряслись колени.

– С добрым утром, хозяин, – сказал он, стараясь не показать виду, что боится. – Я иду лесом к себе домой – вот и все мое дело.

– Петер Мунк! – снова загремел великан и посмотрел на Петера так, что тот невольно зажмурился. – Разве эта дорога ведет к твоему дому? Ты меня обманываешь, Петер Мунк!

– Да, конечно, она ведет не совсем прямо к моему дому, – залепетал Петер, – но сегодня такой жаркий день... Вот я и подумал, что идти лесом хоть и дальше, да прохладнее!

– Не лги, угольщик Мунк! – крикнул Михель-Великан так громко, что с елок дождем посыпались на землю шишки. – А не то я одним щелчком вышибу из тебя дух!

Петер весь съежился и закрыл руками голову, ожидая страшного удара.

Но Михель-Великан не ударил его. Он только насмешливо поглядел на Петера и расхохотался.

– Эх ты дурак! – сказал он. – Нашел, к кому на поклон ходить!.. Думаешь, я не видел, как ты распинался перед этим жалким старикашкой, перед этим стеклянным пузырьком. Счастье твое, что ты не знал до конца его дурацкого заклинания! Он скряга, дарит мало, а если и подарит что-нибудь, так ты жизни рад не будешь. Жаль мне тебя, Петер, от души жаль! Такой славный, красивый парень мог бы далеко пойти, а ты сидишь возле своей дымной ямы да угли жжешь. Другие не задумываясь швыряют направо и налево талеры и дукаты, а ты боишься истратить медный грош... Жалкая жизнь!

– Что правда, то правда. Жизнь невеселая.

– Вот то-то же!.. – сказал великан Михель. – Ну да мне не впервой выручать вашего брата. Говори попросту, сколько сот талеров нужно тебе для начала?

Он похлопал себя по карману, и деньги забренчали там так же звонко, как то золото, которое приснилось Петеру ночью.

Но сейчас этот звон почему-то не показался Петеру заманчивым. Сердце его испуганно сжалось. Он вспомнил слова старика о страшной расплате, которую требует Михель за свою помощь.

– Благодарю вас, сударь, – сказал он, – но я не желаю иметь с вами дело. Я знаю, кто вы такой!

И с этими словами он бросился бежать что было мочи.

Но Михель-Великан не отставал от него. Он шагал рядом с ним огромными шагами и глухо бормотал:

– Ты еще раскаешься, Петер Мунк! Я по твоим глазам вижу, что раскаешься... На лбу у тебя это написано. Да не беги же так быстро, послушай-ка, что я тебе скажу!.. А то будет поздно... Видишь вон ту канаву? Это уже конец моих владений...

Услышав эти слова, Петер бросился бежать еще быстрее. Но уйти от Михеля было не так-то просто. Десять шагов Петера были короче, чем один шаг Михеля. Добежав почти до самой канавы, Петер оглянулся и чуть не вскрикнул – он увидел, что Михель уже занес над его головой свой огромный багор.

Петер собрал последние силы и одним прыжком перескочил через канаву.

Михель остался на той стороне.

Страшно ругаясь, он размахнулся и швырнул Петеру вслед тяжелый багор. Но гладкое, с виду крепкое, как железо, дерево разлетелось в щепки, словно ударилось о какую-то невидимую каменную стену. И только одна длинная щепка перелетела через канаву и упала возле ног Петера.

– Что, приятель, промахнулся? – закричал Петер и схватил щепку, чтобы запустить ею в Михеля-Великана.

Но в ту же минуту он почувствовал, что дерево ожило у него в руках.

Это была уже не щепка, а скользкая ядовитая змея. Он хотел было отшвырнуть ее, но она успела крепко обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, всё ближе и ближе придвигала свою страшную узкую голову к его лицу.

И вдруг в воздухе прошумели большие крылья.

Огромный глухарь с лета ударил змею своим крепким клювом, схватил ее и взвился в вышину. Михель-Великан заскрежетал зубами, завыл, закричал и, погрозив кулаком кому-то невидимому, зашагал к своему логову.

А Петер, полуживой от страха, отправился дальше своей дорогой.

Тропинка становилась все круче, лес – всё гуще и глуше, и наконец Петер опять очутился возле огромной косматой ели на вершине горы.

Он снял шляпу, отвесил перед елью три низких – чуть не до самой земли – поклона и срывающимся голосом произнес заветные слова:

– Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живет старик.

Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный!

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:

– Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в черном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петера и поглаживал свою небольшую бородку – такую легкую, словно она была из паутины. Во рту у него была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

Не переставая кланяться, Петер подошел и, к немалому своему удивлению, увидел, что вся одежда на старичке: кафтанчик, шаровары, шляпа, башмаки – всё было сделано из разноцветного стекла, но только стекло это было совсем мягкое, словно еще не остыло после плавки.

– Этот грубиян Михель, кажется, здорово напугал тебя, – сказал старичок. – Но я его славно проучил и даже отнял у него его знаменитый багор.

– Благодарю вас, господин Стекланный Человечек, – сказал Петер. – Я и вправду натерпелся страха. А вы, верно, и были тем почтенным глухарем, который заклевал змею? Вы мне спасли жизнь! Пропал бы я без вас. Но, уж если вы так добры ко мне, сделайте милость, помогите мне еще в одном деле. Я бедный угольщик, и живется мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что, если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы – далеко не уйдешь. А я еще молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше. Вот гляжу я на других – все люди как люди, им и почет, и уважение, и богатство... Взять хотя бы Иезекиила Толстого или Вильма Красивого, короля танцев, – так ведь у них денег что соломы!..

– Петер, – строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхтев трубкой, выпустил густое облако дыма, – никогда не говори мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется,

что на всем свете нет никого, кто был бы счастливее их, а пройдет год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И еще скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и легкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

– Нет, нет, – забормотал он, – я ведь и сам знаю, что лень – мать всех пороков, и всё такое прочее. Но разве я виноват, что мое ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком – кем угодно, только не угольщиком.

– Станный вы народ – люди! – сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек. – Всегда недовольны тем, что есть. Был бы ты стекольщиком – захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком – захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не лентяй, – я помогу тебе. У меня заведен такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рожден в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно стоит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать. От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

– Да здравствует Стекланный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол...

– Безумец! – сказал, нахмурившись, Стекланный Человечек. – Неужели ты не мог придумать что-нибудь поумнее? Ну посуди сам: какая будет польза тебе и твоей бедной матери, если ты научишься выкидывать разные коленца и дрыгать ногами, как этот бездельник Вильм? И какой толк в деньгах, если ты будешь оставлять их за игорным столом, как этот плут Иезекиил Толстый? Ты сам губишь свое счастье, Петер Мунк. Но сказанного не воротишь – твое желание будет исполнено. Говори же, чего бы ты хотел еще? Но смотри, на этот раз будь поумнее!

Петер задумался. Он долго морщил лоб и тер затылок, пытаясь придумать что-нибудь умное, и наконец сказал:

– Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть в Шварцвальде. Ну и, конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход.

– И это всё? – спросил Стекланный Человечек, испытующе глядя на Петера. – Неужели это всё? Подумай хорошенько, что еще тебе нужно?

– Ну, если вам не жалко, прибавьте ко второму желанию еще пару лошадок и коляску! И хватит...

– Глупый же ты человек, Петер Мунк! – воскликнул Стекланный Человечек и со злости так швырнул свою стеклянную трубку, что она ударилась о ствол ели и разлетелась вдребезги. – “Лошадок, коляску”!.. Ума-разума надо тебе, понимаешь? Ума-разума, а не лошадок и коляску. Ну да все-таки второе твоё желание поумней первого. Стекольный завод – это дело стоящее. Если вести его с умом, и лошадки, и коляска, и всё у тебя будет.

– Так ведь у меня остается еще одно желание, – сказал Петер, – и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

– погоди, побереги третье желание про черный день. Кто знает, что еще ждет тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это, – сказал Стекланный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами. – Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведет. Ну прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать

своего ума-разума.

С этими словами человек вытащил из кармана новую трубку из самого лучшего матового стекла и набил сухими еловыми иглами.

Потом, крепко прикусив ее мелкими, острыми, как у белки, зубками, он достал из другого кармана огромное увеличительное стекло, поймал в него солнечный луч и закурил.

Легкий дымок поднялся над стеклянной чашечкой. На Петера пахнуло нагретой солнцем смолой, свежими еловыми побегами, мёдом и почему-то самым лучшим голландским табаком. Дым делался все гуще, гуще и наконец превратился в целое облако, которое, клубясь и курчавясь, медленно растаяло в верхушках елей. А вместе с ним исчез и Стекланный Человек.

Петер еще долго стоял перед старой елью, протирая глаза и вглядываясь в густую, почти черную хвою, но так никого и не увидел. На всякий случай он низко поклонился большой елке и пошел домой.

Свою старую мать он застал в слезах и тревоге. Бедная женщина думала, что ее Петера забрали в солдаты и ей не скоро уже придется с ним увидеться.

Какова же была ее радость, когда ее сын вернулся домой, да еще с кошельком, набитым деньгами! Петер не стал рассказывать матери о том, что с ним было на самом деле. Он сказал, что повстречал в городе одного доброго приятеля, который дал ему займы целых две тысячи гульденов, чтобы Петер мог начать стекольное дело.

Мать Петера прожила всю жизнь среди угольщиков и привыкла видеть все вокруг черным от сажи, как мельничиха привыкает видеть все кругом белым от муки. Поэтому сначала ее не очень-то обрадовала предстоящая перемена. Но в конце концов она и сама размечталась о новой, сытой и спокойной жизни.

“Да, что там ни говори, – думала она, – а быть матерью стекольного заводчика почетнее, чем быть матерью простого угольщика. Соседки Грета и Бета мне теперь не чета. И в церкви я с этих пор буду сидеть не у стены, где меня никто не видит, а на передних скамейках, рядом с женой господина бургомистра, матерью господина пастора и тетушкой господина судьи...”

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешел к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе. Придет, бывало, не спеша, и, заложив руки за спину, как делал это старый Винкфриц, важно расхаживает по своим владениям, заглядывая во все углы и делая замечания то одному работнику, то другому. Он и не слышал, как за его спиной работники посмеивались над советами неопытного хозяина.

Больше всего нравилось Петеру смотреть, как работают стеклодувы. Иногда он и сам брал длинную трубку и выдувал из мягкой неостывшей массы пузатую бутылку или какую-нибудь затейливую, ни на что не похожую фигурку.

Но скоро всё это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потом через день, через два и под конец не чаще, чем раз в неделю.

Работники были очень довольны и делали что хотели. Словом, порядка на заводе не стало никакого. Всё пошло вкривь и вкось.

А началось всё с того, что Петеру вздумалось заглянуть в трактир.

Он отправился туда в первое же воскресенье после покупки завода.

В трактире было весело. Играла музыка, и посреди зала, на удивление всем собравшимся, лихо отплясывал король танцев – Вильм Красивый.

А перед кружкой пива сидел Иезекиил Толстый и играл в кости, не глядя бросая на стол звонкие монеты.

Петер поспешно сунул руку в карман, чтобы проверить, сдержал ли Стекланный Человек свое слово. Да, сдержал! Карманы его были битком набиты серебром и золотом.

“Ну так, верно, и насчет танцев он меня не подвел”, – подумал Петер.

И как только музыка заиграла новый танец, он подхватил какую-то девушку и стал с ней в пару против Вильма Красивого.

Ну и пляска же это была! Вильм подпрыгивал на три четверти, а Петер – на четыре, Вильм

кружился волчком, а Петер ходил колесом, Вильм выгибал ноги кренделем, а Петер закручивал штопором.

С тех пор как стоял этот трактир, никто никогда не видел ничего подобного.

Петеру кричали “Ура!”, и единодушно провозгласили его королем над всеми королями танцев.

Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монету, – общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашел в лесу клад, другие – что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его несколько не смутило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петера тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, все получилось точь-в-точь, как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стекланный Человечек исполнил его желание. Поэтому, чем больше денег переходило из его кармана в карман толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и всё время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не королем над всеми королями танцев, а просто Петером-игроком.

Но хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счета раздавал деньги беднякам, так же как без счета пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится всё меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил, и теперь завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерьями.

Однажды вечером Петер шел из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино несколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своем неминуемом разорении. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идет мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стекланного Человечка.

– Ах, это вы, сударь! – сказал Петер сквозь зубы. – Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалует сам начальник округа и пустит за долги с публичного торга все мое имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

– Так, – сказал Стекланный Человечек, – так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

– Какого там еще ума!.. – закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. – Я несколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка!

С этими словами Петер схватил Стекланного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил.

– Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье мое желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. – завопил он вдруг не своим голосом.

Стекланный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно белым

пламенем. Вся его стеклянная одежда раскалилась, и горячие, колючие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожженной рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался легкий, как звон стекла, смех – и всё стихло.

Стеклянный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он бы и рад был не думать о ней, да распухшая рука все время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

– Если даже и продадут мой завод, – успокаивал он себя, – у меня все-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришел в трактир.

– Добрый вечер, хозяин, – сказал он с порога. – Что, толстый Иезекиил уже здесь?

– Заходи, заходи, Петер, – отозвался сам Иезекиил. – Место для тебя оставлено.

Петер подошел к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом Петер мог судить по своему собственному, туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провел время до самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому все время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть еще партию-другую, что тот наконец согласился.

– Ну хорошо, – сказал Иезекиил. – Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка – пять гульденов. Меньше нет смысла: детская игра!.. – Он вытащил свой кошелек и стал считать деньги. – Ровно сто гульденов! – сказал он, пряча кошелек в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил – восемь очков! Бросил кости Петер – десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

– Ну, бросай еще раз! – крикнул он. – Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

– Да о чем там говорить! – сказал Петер. – Мой кошелек всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

– Пятнадцать! – сказал он. – Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер не глядя швырнул кости.

– Моя взяла! Семнадцать!.. – крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

– Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля-Голландца. Не смея пошевеливаться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

– Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру! – нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане – и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашел в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своем первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал свое слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петера – ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петера, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петер на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится поверить в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоем накинулись на Петера, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звездочки не видно было на небе, когда Петер пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и все-таки он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

– Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета! – сказал знакомый хриплый голос. – Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стекляннным пузырьком!.. Ну да еще не все потеряно. Я не злопамятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не раскаешься!

Сердце похолодело у Петера, когда он понял, кто с ним говорит. Михель-Великан! Опять Михель-Великан!.. Сломя голову Петер бросился бежать, сам не зная куда.

Часть 2

Когда в понедельник утром Петер пришел на свой стекольный завод, он застал там непрошенных гостей – начальника округа и трех судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петер был должен.

– Собираетесь ли вы, сударь, заплатить всем этим лицам? – спросил начальник, строго глядя на Петера. – Если собираетесь, прошу вас поторопиться. Времени у меня немного, а до тюрьмы добрых три часа ходу.

Петеру пришлось сознаться, что платить ему нечем, и судейские без долгих разговоров приступили к описи его имущества.

Они описали дом и пристройки, завод и конюшню, коляску и лошадей. Описали стеклянную посуду, которая стояла в кладовых, и метлу, которой подметают двор... Словом, всё-всё, что только попало им на глаза.

Пока они расхаживали по двору, все разглядывая, ощупывая и оценивая, Петер стоял в стороне и посвистывал, стараясь показать, что это его нимало не беспокоит. И вдруг в ушах у него зазвучали слова Михеля: “Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!..”

Сердце у него тревожно ёкнуло и кровь застучала в висках.

“А ведь до Еловой горы совсем не так далеко, ближе, чем до тюрьмы, – подумал он. – Если маленький не захотел помочь, что ж, пойду попрошу большого...”

И, не дожидаясь, покуда судейские кончат свое дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес.

Он бежал быстро – быстрее, чем заяц от гончих собак, – и сам не заметил, как очутился на вершине Еловой горы.

Когда он пробежал мимо старой большой ели, под которой в первый раз разговаривал со Стекланным Человечком, ему показалось, что чьи-то невидимые руки стараются поймать и удерживать его. Но он вырвался и опроретью побежал дальше...

Вот и канава, за которой начинаются владения Михеля-Великана!..

Одним прыжком перемахнул Петер на ту сторону и, едва отдышавшись, крикнул:

– Господин Михель! Михель-Великан!.. И не успело эхо откликнуться на его крик, как перед ним словно из-под земли выросла знакомая страшная фигура – чуть ли не в сосну ростом, в одежде плотогона, с огромным багром на плече... Михель-Великан явился на зов.

– Ага, пришел-таки! – сказал он, смеясь. – Ну что, дочиста облупили тебя? Шкура-то еще цела, или, может, и ту содрали и продали за долги? Да полно, полно, не горюй! Пойдем-ка лучше ко мне, потолкуем... Авось и сговоримся...

И он зашагал саженными шагами в гору по каменной узкой тропинке.

“Сговоримся?.. – думал Петер, стараясь не отстать от него. – Чего же ему от меня надо? Сам ведь знает, что у меня ни гроша за душой... Работать на себя заставит, что ли?”

Лесная тропинка становилась все круче и круче и наконец оборвалась. Они очутились перед глубоким темным ущельем.

Михель-Великан не задумываясь сбегал по отвесной скале, словно это была пологая лестница. А Петер остановился на самом краю, со страхом глядя вниз и не понимая, что же ему делать дальше. Ущелье было такое глубокое, что сверху даже Михель-Великан казался маленьким, как Стекланный Человечек.

И вдруг – Петер едва мог поверить своим глазам – Михель стал расти. Он рос, рос, пока не стал вышиной с кельнскую колокольню. Тогда он протянул Петеру руку, длинную, как багор, подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире, и сказал голосом гулким, как погребальный колокол:

– Садись ко мне на руку да крепче держись за палец! Не бойся, не упадешь!

Замирая от ужаса, Петер перешагнул на ладонь великана и ухватился за его большой палец. Великан стал медленно опускать руку, и чем ниже он ее опускал, тем меньше становился сам.

Когда он наконец поставил Петера на землю, он уже опять был такого роста, как всегда, – гораздо больше человека, но немного меньше сосны.

Петер оглянулся по сторонам. На дне ущелья было так же светло, как наверху, только свет здесь был какой-то неживой – холодный, резкий. От него делалось больно глазам.

Вокруг не было видно ни дерева, ни куста, ни цветка. На каменной площадке стоял большой дом, обыкновенный дом – не хуже и не лучше, чем те, в которых живут богатые шварцвальдские плотогоны, разве что побольше, а так – ничего особенного.

Михель, не говоря ни слова, отворил дверь, и они вошли в горницу. И здесь всё было, как у всех: деревянные стенные часы – изделие шварцвальдских часовщиков, – изразцовая расписная печь, широкие скамьи, всякая домашняя утварь на полках вдоль стен.

Только почему-то казалось, что здесь никто не живет, – от печки веяло холодом, часы молчали.

– Ну присаживайся, приятель, – сказал Михель. – Выпьем по стакану вина.

Он вышел в другую комнату и скоро вернулся с большим кувшином и двумя пузатыми стеклянными стаканами – точь-в-точь такими, какие делали на заводе у Петера.

Налив вина себе и гостю, он завел разговор о всякой всячине, о чужих краях, где ему не раз довелось побывать, о прекрасных городах и реках, о больших кораблях, пересекающих моря, и наконец так раззадорил Петера, что тому до смерти захотелось поехать по белу свету и посмотреть на все его диковинки.

– Да, вот это жизнь!.. – сказал он. – А мы-то, дураки, сидим весь век на одном месте и ничего не видим, кроме елок да сосен.

– Что ж, – лукаво прищурившись, сказал Михель-Великан. – И тебе пути не заказаны. Можно и постранствовать, и делом позаняться. Всё можно – только бы хватило смелости, твердости, здравого смысла... Только бы не мешало глупое сердце!.. А как оно мешает, черт побери!.. Вспомни-ка, сколько раз тебе в голову приходили какие-нибудь славные затеи, а сердце вдруг дрогнет, заколотится, ты и струсил ни с того ни с сего. А если кто-нибудь обидит тебя, да еще ни за что ни про что? Кажется, и думать не о чем, а сердце ноет, щемит... Ну вот скажи-ка мне сам: когда тебя вчера вечером обозвали обманщиком и вытолкали из трактира, голова у тебя заболела, что ли? А когда судейские описали твой завод и дом, у тебя, может быть, заболел живот? Ну, говори

прямо, что у тебя заболело?

– Сердце, – сказал Петер.

И, словно подтверждая его слова, сердце у него в груди тревожно сжалось и забилося часто-часто.

– Так, – сказал Михель-Великан и покачал головой. – Мне вот говорил кое-кто, что ты, покуда у тебя были деньги, не жалея, раздавал их всяким побирушкам да попрошайкам. Правда это?

– Правда, – шепотом сказал Петер. Михель кивнул головой.

– Так, – повторил он опять. – А скажи мне, зачем ты это делал? Какая тебе от этого польза? Что ты получил за свои деньги? Пожелания всяких благ и доброго здоровья! Ну и что же, ты стал от этого здоровее? Да половины этих выброшенных денег хватило бы, чтобы держать при себе хорошего врача. А это было бы гораздо полезнее для твоего здоровья, чем все пожелания, вместе взятые. Знал ты это? Знал. Что же тебя заставляло всякий раз, когда какой-нибудь грязный нищий протягивал тебе свою помятую шляпу, опускать руку в карман? Сердце, опять-таки сердце, а не глаза, не язык, не руки и не ноги. Ты, как говорится, слишком близко все принимал к сердцу.

– Но как же сделать, чтобы этого не было? – спросил Петер. – Сердцу не прикажешь!.. Вот и сейчас – я бы так хотел, чтоб оно перестало дрожать и болеть. А оно дрожит и болит.

Михель засмеялся.

– Ну еще бы! – сказал он. – Где тебе с ним справиться! Люди покрепче и те не могут совладать со всеми его прихотями и причудами. Знаешь что, братец, отдай-ка ты его лучше мне. Увидишь, как я с ним управлюсь.

– Что? – в ужасе закричал Петер. – Отдать вам сердце?.. Но ведь я же умру на месте. Нет, нет, ни за что!

– Пустое! – сказал Михель. – Это если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вынуть из тебя сердце, тогда ты бы, конечно, не прожил и минуты. Ну, а я – другое дело. И жив будешь и здоров, как никогда. Да вот поди сюда, погляди своими глазами... Сам увидишь, что бояться нечего.

Он встал, отворил дверь в соседнюю комнату и поманил Петера рукой:

– Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевел дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краев наполтые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошел вдоль полок, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: “сердце господина начальника округа”, на другом – “сердце главного лесничего”. На третьем просто – “Иезекиил Толстый”, на пятом – “король танцев”.

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судейских...

Словом, много сердец и много почтенных имен, известных всей округе.

– Видишь, – сказал Михель-Великан, – ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, пороков сердца и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

– Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? – спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

– А вот что, – спокойно ответил Михель. Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

– Это? – переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине. – Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

– Конечно, оно немного холодит, – сказал Михель, – но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда холодно, вишневая

наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты и не поверить, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное – оно-то уж не забьется у тебя ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!

Петер пожал плечами.

– И это все, зачем вы меня позвали? – спросил он у великана. – По правде сказать, не того я ожидал от вас. Мне нужны деньги, а вы мне предлагаете камень.

– Ну, я думаю, ста тысяч гульденов хватит тебе на первое время, – сказал Михель. – Если сумеешь выгодно пустить их в оборот, ты можешь стать настоящим богачом.

– Сто тысяч!.. – закричал, не веря своим ушам, бедный угольщик, и сердце его забилось так сильно, что он невольно придержал его рукой. – Да не колотись ты, неугомонное! Скоро я навсегда разделаюсь с тобой... Господин Михель, я согласен на всё! Дайте мне деньги и ваш камешек, а этого бестолкового барабанщика можете взять себе.

– Я так и знал, что ты парень с головой, – дружески улыбаясь, сказал Михель. – По этому случаю следует выпить. А потом и делом займемся.

Они уселись за стол и выпили по стакану крепкого, густого, точно кровь, вина, потом еще по стакану, еще по стакану, и так до тех пор, пока большой кувшин не опустел совсем.

В ушах у Петера зашумело и, уронив голову на руки, он заснул мертвым сном.

Петера разбудили веселые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на нем было такое, какое ему и во сне не снилось... А все-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже несколько не опечалила его.

“Ах да, – вспомнил он вдруг, – ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю Голландцу – он избавил меня от всех этих слез, вздохов, сожалений...”

Он приложил руку к груди и почувствовал только легкий холодок. Каменное сердце не билось.

“Ну относительно сердца он сдержал свое слово, – подумал Петер. – А вот как насчет денег?”

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашел большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

“Ну, теперь всё в порядке”, – подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек.

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался.

Впрочем, Петер всегда нанимал человека, который показывал ему достопримечательности каждого города.

Глаза его смотрели на прекрасные здания, картины и сады, уши слушали музыку, веселый смех, умные беседы, но ничто его не занимало и не радовало, потому что сердце у него всегда оставалось холодным.

Только и было у него удовольствия, что сытно есть и сладко спать.

Однако все кушанья ему почему-то скоро приелись, а сон стал бежать от него. И ночью, ворочаясь с боку на бок, он не раз вспоминал о том, как хорошо ему спалось в лесу около угольной ямы и как вкусен был жалкий обед, который приносила из дому мать.

Ему никогда теперь не бывало грустно, но зато не бывало и весело.

Если другие смеялись при нем, он только из вежливости растягивал губы.

Ему даже казалось иногда, что он просто разучился смеяться, а ведь прежде, бывало, его мог

насмешить всякий пустяк.

В конце концов ему стало так скучно, что он решил вернуться домой. Не все ли равно, где скучать?

Когда он снова увидел темные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень – это камень.

Вернувшись в родные места, Петер раньше всего пошел повидаться с Михелем-Голландцем. Тот встретил его по-приятельски.

– Здорово, дружище! – сказал он. – Ну что, хорошо съездил? Повидал белый свет?

– Да как вам сказать... – ответил Петер. – Видел я, разумеется, немало, но все это глупости, одна скука... Вообще должен вам сказать, Михель, что этот камешек, которым вы меня наградили, не такая уж находка. Конечно, он меня избавляет от многих неприятностей. Я никогда не сержусь, не грущу, но зато никогда и не радуюсь. Словно я живу наполовину... Нельзя ли сделать его хоть немного поживее? А еще лучше – отдайте мне мое прежнее сердце. За двадцать пять лет я порядком привык к нему, и хоть иной раз оно и пошаливало – всё же это было веселое, славное сердце.

Михель-Великан расхохотался.

– Ну и дурак же ты, Петер Мунк, как я погляжу, – сказал он. – Ездил-ездил, а ума не набрался. Ты знаешь, отчего тебе скучно? От безделья. А ты все валишь на сердце. Сердце тут решительно ни при чем. Ты лучше послушай меня: построй себе дом, женись, пусти деньги в оборот. Когда каждый гульден будет у тебя превращаться в десять, тебе станет так весело, как никогда. Деньгам даже камень обрадуется.

Петер без долгих споров согласился с ним. Михель-Голландец тут же подарил ему еще сто тысяч гульденов, и они расстались друзьями.

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой еще богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он опять стал желанным гостем в трактире, все кланялись ему, спешили пожать руку, каждый рад был назвать его своим другом.

Стекольное дело он бросил и начал торговать лесом. Но и это было только для вида.

На самом деле он торговал не лесом, а деньгами: давал их займы и получал назад с лихвою.

Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу.

С начальником округа он был теперь запанибрата. И стоило Петеру только заикнуться, что кто-то не уплатил ему деньги в срок, как судейские мигом налетали на дом несчастного должника, всё описывали, оценивали и продавали с молотка. Таким образом каждый гульден, который Петер получил от Михеля-Голландца, очень скоро превратился в десять.

Правда, сначала господину Петеру Мунку немного досаждали мольбы, слезы и упреки. Целые толпы должников днем и ночью осаждали его двери. Мужчины умоляли об отсрочке, женщины старались слезами смягчить его каменное сердце, дети просили хлеба...

Однако всё это уладилось как нельзя лучше, когда Петер обзавелся двумя огромными овчарками. Стоило спустить их с цепи, как вся эта, по выражению Петера, “кошачья музыка” мигом прекращалась.

Но больше всего досаждала ему “старуха” (так называл он свою мать, госпожу Мунк).

Когда Петер вернулся из странствий, снова разбогатевший и всеми уважаемый, он даже не зашел в ее бедную хижину.

Старая, полуголодная, больная, она приходила к нему во двор, опираясь на палку, и робко останавливалась у порога.

Просить у чужих она не смела, чтобы не позорить своего богатого сына, и каждую субботу приходила к его дверям, ожидая подавания и не решаясь войти в дом, откуда один раз ее уже выгнали.

Завидя старуху из окна, Петер, сердито хмурясь, доставал из кармана несколько медяков, заворачивал их в клочок бумаги и, кликнув слугу, высылал матери. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему всякого благополучия, слышал, как, покашливая и постукивая палочкой, пробиралась она мимо его окон, но думал только о том, что вот опять понапрасну

истратил несколько грошей.

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счета бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Нынешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днем он делался все богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля-Великана, он решил жениться.

Петер знал, что любой почтенный человек в Шварцвальде с радостью отдаст за него свою дочь, но он был разборчив. Ему хотелось, чтобы все хвалили его выбор и завидовали его счастью. Он объехал весь край, заглянул во все углы и закоулки, посмотрел всех невест, но ни одна из них не показалась ему достойной стать супругой господина Мунка.

Наконец на одной вечеринке ему сказали, что самая красивая и скромная девушка во всем Шварцвальде – это Лизбет, дочь бедного дровосека. Но она никогда не бывает на танцах, сидит дома, шьет, хозяйничает и ухаживает за стариком отцом. Лучше этой невесты нет не только в здешних местах, но и на всем свете.

Не откладывая дела, Петер собрался и поехал к отцу красавицы. Бедный дровосек был очень удивлен посещением такого важного господина. Но еще больше удивился он, когда узнал, что этот важный господин хочет посвататься к его дочери.

Как было не ухватиться за такое счастье!

Старик решил, что его горестям и заботам пришел конец, и, недолго думая, дал Петеру согласие, даже не спросив красавицу Лизбет.

А красавица Лизбет была покорной дочерью. Она беспрекословно исполнила волю отца и стала госпожой Мунк.

Но невесело жилось бедняжке в богатом доме ее мужа. Все соседи считали ее примерной хозяйкой, а господину Петеру она никак не могла угодить.

У нее было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломятся от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вынести рюмку вина прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти.

Но когда Петер однажды узнал об этом, он весь побагровел от злости и сказал:

– Как ты смеешь швырять направо и налево мое добро? Забыла, что сама нищая?.. Смотри у меня, чтобы это было в последний раз, а не то...

И он так взглянул на нее, что сердце похолодело в груди у бедной Лизбет. Она горько заплакала и ушла к себе.

С тех пор всякий раз, когда какой-нибудь бедняк проходил мимо их дома, Лизбет закрывала окно или отворачивалась, чтобы не видеть чужой бедности. Но ни разу не посмела она послушаться своего сурового мужа.

Никто не знал, сколько слез она пролила по ночам, думая о холодном, безжалостном сердце Петера, но все знали теперь, что госпожа Мунк не даст умирающему глотка воды и голодному корки хлеба. Она прослыла самой скупой хозяйкой в Шварцвальде.

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у нее было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идет какой-то старенький старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок.

Старичок то и дело останавливался, чтобы перевести дух и стереть пот со лба.

“Бедный, – подумала Лизбет, – как трудно ему нести такую непосильную ношу!”

А старичок, подойдя к ней, сбросил на землю свой огромный мешок, тяжело опустился на него и сказал едва слышным голосом:

– Будьте милостивы, хозяйюшка! Дайте мне глоток воды. До того измучился, что просто с ног валюсь.

– Как же можно в ваши годы таскать такие тяжести! – сказала Лизбет.

– Что поделаешь! Бедность!.. – ответил старичок. – Жить-то ведь чем-нибудь надо. Конечно, такой богатой женщине, как вы, это и понять мудрено. Вот вы, наверно, кроме сливок, и не пьете

ничего, а я и за глоток воды скажу спасибо.

Ничего не ответив, Лизбет побежала в дом и налила полный ковшик воды. Она хотела уже отнести его прохожему, но вдруг, не дойдя до порога, остановилась и снова вернулась в комнату. Отворив шкаф, она достала большую узорчатую кружку, налила до краев вином и, прикрыв сверху свежим, только что испеченным хлебом, вынесла старику.

– Вот, – сказала она, – подкрепитесь на дорогу. Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами. Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

– Я человек старый, но мало видел на своем веку людей с таким добрым сердцем, как у вас. А доброта никогда не остается без награды...

– И свою награду она получит сейчас же! – загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

– Так вот ты как!.. – проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет. – Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжелым кнутовищем из черного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут даже Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять ее.

– Не трудись, угольщик Мунк! – вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом. – Ты сломал самый прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветет.

Петер невольно отшатнулся.

– Так это вы, господин Стекланный Человечек! – в ужасе прошептал он. – Ну, да что сделано, того уж не воротишь. Но я надеюсь по крайней мере, что вы не донесете на меня в суд...

– В суд? – Стекланный Человечек горько усмехнулся. – Нет, я слишком хорошо знаю твоих приятелей – судейских... Кто мог продать свое сердце, тот и совесть продаст не задумавшись. Я сам буду судить тебя!..

От этих слов в глазах у Петера потемнело.

– Не тебе меня судить, старый скряга! – закричал он, потрясая кулаками. – Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошел я на поклон к Михелю-Голландцу. И теперь ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стекланный Человечек вдруг стал расти. Он рос все больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце... Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Он дохнул – и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забило. Нет, никогда даже Михель-Великан не казался ему таким страшным!

Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стекланного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

– Жалкий червяк!.. – загремел над ним громовой голос. – Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе еще семь дней жизни. Если за эти дни ты не раскаешься – берегись!..

Точно огненный вихрь промчался над Петером – и всё стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен как мертвец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьется, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер еще дышит. Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

– Лизбет!.. Где Лизбет? – спросил он хриплым шепотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошел в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мертвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью, стоило ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

– Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Петер вскакивал, озирался по сторонам, но ее нигде не было.

Соседям он сказал, что жена поехала на несколько дней навестить отца. Ему, конечно, поварили. Но ведь рано или поздно они узнают, что это неправда. Что сказать тогда? А дни, отпущенные ему, для того чтобы он раскаялся, всё шли и шли, и час расплаты приближался. Но как он мог раскаяться, когда его каменное сердце не знало раскаяния? Ах, если бы в самом деле он мог добыть себе сердце погорячей!

И вот, когда седьмой день был уже на исходе, Петер решился. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

– Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, –
Меж корней живет старик.

Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в черном: кафтанчик из черного матового стекла, черные панталоны, черные чулки... Черная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

– Что тебе надо от меня, Петер Мунк?

– У меня осталось еще одно желание, господин Стекланный Человечек, – сказал Петер, не смея поднять глаза. – Я хотел бы, чтобы вы его исполнили.

– Разве у каменного сердца могут быть желания! – ответил Стекланный Человечек. – У тебя уже есть все, что нужно таким людям, как ты. А если тебе еще чего-нибудь не хватает, проси у своего друга Михеля. Я вряд ли смогу тебе помочь.

– Но ведь вы сами обещали мне исполнить три желания. Одно еще остается за мной!..

– Я обещал исполнить третье твое желание, только если оно не будет безрассудным. Ну говори, что ты там еще придумал?

– Я хотел бы... Я хотел бы... – начал прерывающимся голосом Петер. – Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мертвый камень и дайте мне мое живое сердце.

– Да разве ты со мной заключил эту сделку? – сказал Стекланный Человечек. – Разве я Михель-Голландец, который раздает золотые монеты и каменные сердца? Ступай к нему, проси у него свое сердце!

Петер грустно покачал головой:

– Ах, он ни за что не отдаст мне его. Стекланный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

– Да, – сказал он, пуская кольца дыма, – конечно, он не захочет отдать тебе твое сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твое не так уж глу-

по. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьешься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твое сердце.

И Стекланный Человечек сказал Петеру на ухо всё, что надо делать.

– Запомни же, – добавил он на прощание, – если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет тверже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель-Великан. А теперь ступай к возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стекланный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель-Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

– Что, жену убил? – сказал он, смеясь. – Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуй, приятель, тебе придется на время уехать из наших краев, а то заметят добрые соседи, что она пропала, поднимут шум, начнутся всякие разговоры... Не оберешься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

– Да, – сказал Петер, – и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

– Ну, за деньгами дело не станет, – сказал Михель и повел Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свертков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

– А какой ты все-таки ловкий обманщик, Михель! – сказал он, хитро поглядев на великана. – Ведь я было совсем поверил, что ты вынул мое сердце и положил вместо него камень.

– То есть как это так? – сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления. – Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьется, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

– Да, немного, – сказал Петер. – Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

– Но уверяю тебя, – закричал Михель, – что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твое сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

– Есть на что смотреть! – сказал он небрежно. – Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках, сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

– Иди сюда! – крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату. – Смотри, что тут написано! Вот здесь – на этой банке! “Сердце Петера Мунка”! Приложи ухо к стеклу – послушай, как оно бьется. Разве восковое может так биться и трепетать?

– Конечно, может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка...

– Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петера камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петера стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

– Ну, кто был прав? – спросил он.

– Ты, – сказал Петер. – Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун.

– То-то же!.. – ответил Михель, самодовольно ухмыляясь. – Ну, теперь давай – я положу его на место.

– Оно и так на месте! – сказал Петер спокойно. – На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

– Оно уже не твое! – закричал Михель. – Я купил его. Отдавай сейчас же мое сердце, жалкий воришка, а не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занес его над Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твердо сказал:

– Не отдам!

Должно быть, Михель не ожидал такого ответа. Он отшатнулся от Петера, словно споткнулся на бегу. А сердца в банках застучали так громко, как стучат в мастерской часы, вынутые из своих оправ и футляров.

Михель обвел их своим холодным, мертвящим взглядом – и они сразу притихли.

Тогда он перевел взгляд на Петера и сказал тихо:

– Вот ты какой! Ну полно, полно, нечего корчить из себя храбреца. Уж кто-кто, а я-то знаю твое сердце, в руках держал... Жалкое сердечко – мягкое, слабенькое... Дрожит небось со страху... Давай-ка его сюда, в банке ему будет спокойнее.

– Не дам! – еще громче сказал Петер.

– Посмотрим!

И вдруг на том месте, где только что стоял Михель, появилась огромная скользкая зеленова-то-бурая змея. В одно мгновение она обвилась кольцами вокруг Петера и, сдавив его грудь, словно железным обручем, заглянула ему в глаза холодными глазами Михеля.

– Отдаш-ш-шь? – прошипела змея.

– Не отдам! – сказал Петер.

В ту же секунду кольца, сжимавшие его, распались, змея исчезла, а из-под змеи дымными языками вырвалось пламя и со всех сторон окружило Петера.

Огненные языки лизали его одежду, руки, лицо...

– Отдашь, отдашь?.. – шумело пламя.

– Нет! – сказал Петер.

Он почти задохнулся от нестерпимого жара и серного дыма, но сердце его было твердо.

Пламя сникло, и потоки воды, бурля и бушуя, обрушились на Петера со всех сторон.

В шуме воды слышались те же слова, что и в шипенье змеи, и в свисте пламени: “Отдашь? Отдашь?”

С каждой минутой вода подымалась всё выше и выше. Вот уже она подступила к самому горлу Петера...

– Отдашь?

– Не отдам! – сказал Петер.

Сердце его было твёрже каменного.

Вода пенистым гребнем встала перед его глазами, и он чуть было не захлебнулся.

Но тут какая-то невидимая сила подхватила Петера, подняла над водой и вынесла из ущелья.

Он и очнуться не успел, как уже стоял по ту сторону канавы, которая разделяла владения Михеля-Великана и Стеклянного Человечка.

Но Михель-Великан еще не сдался. Вдогонку Петеру он послал бурю.

Как подкошенные травы, валились столетние сосны и ели. Молнии раскалывали небо и падали на землю, словно огненные стрелы. Одна упала справа от Петера, в двух шагах от него, другая – слева, еще ближе.

Петер невольно закрыл глаза и ухватился за ствол дерева.

– Грози, грози! – крикнул он, с трудом переводя дух. – Сердце мое у меня, и я его тебе не отдам!

И вдруг всё разом стихло. Петер поднял голову и открыл глаза.

Михель неподвижно стоял у границы своих владений. Руки у него опустились, ноги словно выросли в землю. Видно было, что волшебная сила покинула его. Это был уже не прежний великан,

повелевающий землей, водой, огнем и воздухом, а дряхлый, сторбленный, изъеденный годами старик в ветхой одежде плотогона. Он оперся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съежился...

С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился всё меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков можно было заметить, как он уполз червяком в свое логово.

...Петер еще долго смотрел ему вслед, а потом медленно побрел на вершину горы к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шел, тем печальнее становилось у него на душе. Он вспомнил все, что с ним случилось за эти годы, – вспомнил старуху мать, которая приходила к нему за жалким подаянием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слезы покатились у него из глаз.

Когда он подошел к старой ели, Стекланный Человечек сидел на мшистой кочке под ветвями и курил свою трубочку.

Он посмотрел на Петера ясными, прозрачными, как стекло, глазами и сказал:

– О чем ты плачешь, угольщик Мунк? Разве ты не рад, что в груди у тебя опять бьется живое сердце?

– Ах, оно не бьется, оно разрывается на части, – сказал Петер. – Лучше бы мне не жить на свете, чем помнить, как я жил до сих пор. Матушка никогда не простит меня, а у бедной Лизбет я даже не могу попросить прощения. Лучше убейте меня, господин Стекланный Человечек, – по крайней мере, этой постыдной жизни наступит конец. Вот оно, мое последнее желание!

– Хорошо, – сказал Стекланный Человечек. – Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Сейчас я принесу топор.

Он неторопливо выколотил трубочку и спрятал ее в карман. Потом встал и, приподняв мохнатые колючие ветви, исчез где-то за елью.

А Петер, плача, опустился на траву. О жизни он нисколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался легкий шорох.

“Идет! – подумал Петер. – Сейчас всему конец!” И, закрыв лицо руками, он еще ниже склонил голову.

– Петер Мунк! – услышал он голос Стекланного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь. – Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

– Лизбет, ты жива! – закричал Петер, задыхаясь от радости. – Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощенье?!

– Они уже простили тебя, Петер, – сказал Стекланный Человечек. – Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца. А ведь оно у тебя теперь не каменное. Воротись домой и будь по-прежнему угольщиком. Если ты станешь уважать свое ремесло, то и люди будут уважать тебя, и всякий с радостью пожмет твою почерневшую от угля, но чистую руку, даже если у тебя не будет бочек с золотом.

С этими словами Стекланный Человечек исчез. А Петер с женой и матерью пошел домой.

От богатой усадьбы господина Петера Мунка не осталось и следа. Во время последней бури молния ударила прямо в дом и сожгла его дотла. Но Петер нисколько не жалел о своем потерянном богатстве.

До старой отцовской хижины было недалеко, и он весело зашагал туда, вспоминая то славное время, когда был беспечным и веселым угольщиком...

Как же удивился он, когда увидел вместо бедной, покривившейся хижины новый красивый домик. В палисаднике цвели цветы, на окошках белели накрахмаленные занавески, а внутри все было так прибрано, словно кто-то поджидал хозяев. В печке весело потрескивал огонь, стол был накрыт, а на полках вдоль стен переливалась всеми цветами радуги разноцветная стеклянная посуда.

– Это всё подарил нам Стеклянный Человечек! – воскликнул Петер.

И началась новая жизнь в новом домике. С утра до вечера Петер работал у своих угольных ям и возвращался домой усталый, но веселый – он знал, что дома его ждут с радостью и нетерпением.

За карточным столом и перед трактирной стойкой его больше никогда не видели. Но свои воскресные вечера он проводил теперь веселее, чем раньше. Двери его дома были широко открыты для гостей, и соседи охотно заходили в дом угольщика Мунка, потому что их встречали хозяйки, гостеприимные и приветливые, и хозяин, добродушный, всегда готовый порадоваться с приятелем его радости или помочь ему в беде.

А через год в новом домике произошло большое событие: у Петера и Лизбет родился сын, маленький Петер Мунк.

– Кого ты хочешь позвать в крестные отцы? – спросила у Петера старуха мать.

Петер ничего не ответил. Он смыл угольную пыль с лица и рук, надел праздничный кафтан, взял праздничную шляпу и пошел на Еловую гору.

Возле знакомой старой ели он остановился и, низко кланяясь, произнес заветные слова:

– Под косматой елью.

В темном подземелье...

Он ни разу не сбился, ничего не забыл и сказал все слова, как надо, по порядку, от первого до последнего. Но Стеклянный Человечек не показывался.

– Господин Стеклянный Человечек! – закричал Петер. – Мне ничего не надо от вас, я ни о чем не прошу и пришел сюда только для того, чтобы позвать вас в крестные отцы к моему новорожденному сыночку!.. Слышите вы меня, господин Стеклянный Человечек?..

Но кругом всё было тихо. Стеклянный Человечек не отозвался и тут.

Только легкий ветер пробежал по верхушкам елей и сбросил к ногам Петера несколько шишек.

– Ну что ж. возьму на память хоть эти еловые шишки, если уж хозяин Еловой горы не хочет больше показываться, – сказал сам себе Петер и, поклонившись на прощание большой ели, пошел домой.

Вечером старая матушка Мунк, убирая в шкаф праздничный кафтан сына, заметила, что карманы его чем-то набиты. Она вывернула их и оттуда выпало несколько больших еловых шишек.

Ударившись об пол, шишки рассыпались, и все их чешуйки превратились в новенькие блестящие талеры, среди которых не оказалось ни одного фальшивого.

Это был подарок Стеклянного Человечка маленькому Петеру Мунку.

Еще много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодежь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал ее так:

– Знал я на своем веку и богатство и бедность. Беден я был, когда был богат, богат – когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью – да зато сердце человечье.